**О. Л. ЛЕЙБОВИЧ**

**Олег Леонидович Лейбович**
*доктор исторических наук*
*профессор, заведующий кафедрой*
*культурологии и философии,*
*Пермский государственный институт культуры*
*Россия, 614000, Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18*
*Тел.: +7 (342) 212-09-90*
*E-mail: oleg.leibov@gmail.com*

# «ВОЙНА НА ЗАПАДЕ УЖЕ НАЧАЛАСЬ...»: РАЗГОВОРЫ 1939 г. В БАРАКАХ, ТЮРЬМАХ И ОЧЕРЕДЯХ

***Аннотация***. Предметом исследования является реакция советского населения на международные события осенью–зимой 1939–1940 гг. На основании сводок и меморандумов местных отделов Управления НКВД по Пермской области делается попытка восстановить спектр мнений о коренном повороте советской внешней политики: поход на Запад, советско-финская война, сотрудничество с германским Рейхом. Автор стремится также рассмотреть оценки и суждения о начале большой европейской войны. Особое внимание в статье уделяется тюремным разговорам о войне.

Информационная блокада следственных изоляторов была неполной. Ждавшие приговора подследственные были хорошо осведомлены о мировых событиях, обсуждали их друг с другом, высказывали резкие критические оценки новой советской внешней политики. На содержание тюремных дебатов о войне накладывала отпечаток атмосфера неопределенности: смесь надежды и отчаяния, усталости и разочарования, свойственная людям, более года содержавшимся в изоляторах НКВД, прошедшим через мучительное следствие с бóльшими или меньшими нравственными потерями и постепенно освобождавшимся из-под морока «стокгольмского синдрома».

В рабочей среде активнее всего обсуждалась угроза советско-германского вооруженного конфликта. Высказывались предположения о том, что после разгрома Польши Гитлер двинется на Советский Союз. Люди сомневались в разумности решений высшего советского руководства, в способности советских вождей «переиграть» Гитлера, не верили успокоительным заявлениям В. М. Молотова об изобилии продуктов питания

© О. Л. ЛЕЙБОВИЧ

в стране, запасалась сахаром, солью, спичками, мылом. В статье делается вывод, что Большой террор не смог уничтожить привычку советских граждан резонерствовать на политические темы.

***Ключевые слова***: СССР, 1939, рабочая среда, тюрьмы, Вторая мировая война, реакция населения, слухи, оценки, прогнозы

1

Изучая историю советского общества, исследователь часто сталкивается с сюжетами, не поддающимися адекватной интерпретации на основе источников официального дискурса. Речь идет о маргинальных, на первый взгляд, речевых и поведенческих практиках. В сохранившихся документах они упоминаются редко, но это источниковедческое затруднение не является исчерпывающим аргументом в пользу того, что и в повседневной жизни они были исключительным явлением. Скупые заметки на полях властного нарратива — это только следы больших пластов повседневности. Зато они ведут историка туда, куда при других обстоятельствах он попасть не может: в курилку, в общий вагон, в барак и тюремную камеру — и позволяют подслушать разговоры между собой обычных советских граждан.

В следственных изоляторах НКВД практики общения не ограничивались обсуждениями исключительно бытовых тем. Арестанты разговаривали о прошлом, пересказывали друг другу прочитанные книги и даже обсуждали текущие события, в том числе начавшуюся в сентябре 1939 г. войну в Европе. Летом того же года в камерах слушали повествования о войнах ушедшей эпохи.

В агентурном донесении, поступившем в Пермский горотдел НКВД из местной тюрьмы, читаем, например, следующее:

> Камера № 23. 2 июня 1939 года в эту камеру из гор. Кизела прибыл заключенный ХАЛЯВКО Константин Романович, в беседе с ним (камерным осведомителем. — *О. Л.*) ХАЛЯВКО заявил, что он находится в заключении 20 месяцев, и он не хочет вести никаких разговоров в тюрьме, т. к. это все ему надоело. ‹…› «Я понимаю юридическую силу и моей и любой подписи, данной следователю, поэтому я не дурак и не подпишу ничего, и никому не советую так делать. Я в Кизеле 9 месяцев был посажен с урками и здесь в Перми, видимо, перейду в одиночку, но все равно ничего не подпишу». Потом разговор сам ХАЛЯВКО замял и заявил: «Все это старо и переговорено, давайте я Вам лучше расскажу историю Наполеона» (Агентурное донесение из Пермской тюрьмы в городской отдел НКВД о К. Р. Холявко (так в документе. — *О. Л.*). Июнь 1939 г. г. Пермь. Цит. по: [Лейбович 2004: 294])[1].

[1] В цитатах из архивных документов сохраняются орфография и пунктуация оригинала.

Не хотелось бы создать ложное впечатление, что следственная тюрьма была каким-то подобием закрытого клуба, в котором под присмотром внутрикамерной агентуры (на следственном жаргоне — «наседок и колунов») сидельцы ведут неторопливые разговоры о днях минувших. Обстановка в тюрьмах хотя и была разной, но, как правило, к беседам на отвлеченные темы не располагала. В следственном изоляторе НКВД в Перми заключенные, размещенные в разных камерах, могли иногда разговаривать между собой через открытые форточки в дверях для передачи пищи, например, согласно допросу свидетеля, в ситуации, «когда часовой, шаги которого мы в камерах ясно слышали, спустился по лестнице на первый этаж» [Протокол 1955: Л. 111][2]. В то же время в переполненной Кунгурской тюрьме[3] прокурорская проверка выявила «наличие вопиющего издевательства над арестованными со стороны начальника тюрьмы Шилова Н. А. Он допускал массовое необоснованное применение карцера, творя полнейший произвол, мародерство» [Гусаров 1938: Л. 17]. Так, во всяком случае, докладывал в ЦК секретарь Пермского обкома ВКП(б).

Внутри- и межкамерные разговоры велись между людьми, только что потерявшими всё: семью, работу, имя, даже биографию, — людьми, ожидавшими казни. Отчаяние сменялось надеждой — и снова отчаянием. В полной мере проявлял себя не открытый тогда еще «стокгольмский синдром». Бывший секретарь горкома так объяснял свои признания в контрреволюционной работе:

> Я верил в орган, руководимый Ежовым. Для меня в то время была не «ежовщина», как об этом сейчас говорят, а Ежов, посланный на эту работу ЦК нашей партии. Я тогда не задумывался, почему все это происходит, и приходил к мысли: лес рубят (действительных врагов), щепки летят. Какая — большая или маленькая — я оказался такой щепкой. В конце концов, и привело меня к тому, о чем мне по-человечески говорил следователь. То, что делается, так видно это нужно [Борисов 1955: Л. 183].

Кто-то не только сдался, но даже стал подручным следователя, агитировал товарищей по несчастью признаться в не совершенных преступлениях. На допросе в 1955 г. (когда был запущен процесс реабилитации) бывший начальник отдела снабжения, в прошлом обвиняемый по «делу завода № 19», уже в статусе свидетеля вспоминал, как незадолго до рас-

[2] Свидетель К. И. Траут, допрос которого цитируется, далее давал понять, что такую «свободу дискуссий» организовал следователь, желавший добиться признательных показаний. Но не исключено, что здесь мы имеем дело с обычной нераспорядительностью, слабой дисциплиной, халатностью.

[3] «На 18 ноября [1938 г.] вместо лимита в 140 человек содержится в тюрьме 769. ‹…› Основной перелимит идет за счет следственных, числящихся за органами НКВД» [Кривой 1938: Л. 9].

стрела заместитель директора завода В. Е. Орлов призывал «подписывать все, что напишет следователь и подтверждать все это, ибо на данном этапе такое мероприятие оправдывается партией». Ему возразил сокамерник свидетеля, инженер того же завода:

> …Арестованный Концевич возмутился заявлением Орлова и Татко и сказал, что он считал Орлова умным человеком и не понимает, почему он говорит такую чушь [Протокол 1955: Л. 111–112].

Кто-то надеялся на пересмотр дела, замечая, что на допрос его приводят к новым людям, а бывшие следователи куда-то исчезли. Умудренным опытом арестантам было ясно, что стало с теми следователями, позволявшими себе матерную брань и рукоприкладство. На одном из допросов новый начальник областного управления НКВД выяснял у упрямого арестанта, почему тот написал областному прокурору, что следствие «от начала и до конца велось преступно, и почти все ‹…› следователи арестованы» [Протокол 1939b: Л. 226].

Впрочем, не все, кто продолжал сопротивление (часто оказывавшееся безнадежным), разделяли позицию К. Р. Халявко, в прошлом директора коксохимического завода в г. Губахе, что нет смысла обсуждать причины и смысл террористических практик, обращенных против партийных кадров, — все равно понять это невозможно, надо лишь стойко держаться. Привыкшие к рациональным объяснениям люди интеллигентного труда и в камере вели дискуссии о том, что произошло с партией и со страной. Бывший директор Пермского пединститута П. Г. Погожев показал на допросе:

> В беседах с Далингер[4] и Чугуновым[5] мы обменивались мнениями о том, что о наших арестах надо сообщить Сталину. На основании чего я решил написать письмо Сталину, предполагая о том, что сидящие со мной в одной камере Далингер и Чугунов подпишут написанное мной заявление [Протокол 1939a: Л. 117об][6].

---

[4] В. Я. Далингер — до ареста технический директор завода № 10 им. Дзержинского (Пермь), обвиненный в принадлежности к «контрреволюционной террористической право-троцкистской организации» (был на хорошем счету у бывших руководителей Свердловской области) и во вредительстве. Освобожден в 1940 г. «за отсутствием состава преступления». В годы войны — директор того же завода № 10 (см.: [Ладыгина 2005]).

[5] В. В. Чугунов — инженер, зам. начальника термического цеха завода № 19. Арестован 17 июня 1938 г. По обвинению в контрреволюционной деятельности и вредительстве 28 мая 1940 г. приговорен к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

[6] Письмо, о котором идет речь, было обнаружено при обыске в стельке сапога и сохранилось в следственном деле П. Г. Погожева. В интерпретации репрессий автор (или все-таки авторы) предлагает простую схему: «Секрет этого позорного явления состоит в том, что органы НКВД проводят политику массовой фабрикации врагов народа. Под руководством ЕЖОВА Н. И. органы НКВД превращены в чудовищную систему застенков, где к арестованным применяются все виды провокации и обмана, все виды морального унижения и издевательства над личностью человека, изнурительное многосуточное мучение бессонницей в сидячем, а часто и в стоячем положении, и главное — жестокие избиения, продолжающиеся по много часов подряд. Никто из находящихся на свободе советских

В соответствии с инструкциями подследственным запрещалось читать газеты, слушать радио и вообще получать какие-либо сведения о событиях в стране и за рубежом. В реальности информационная блокада тюрьмы существовала скорее на бумаге, чем в действительности. Бутырский арестант Лев Хургес вспоминал:

> Все новости с воли мы обычно получали от новеньких, то есть свежеарестованных товарищей. Правда, обычно эти новости были четырехпятидневной давности. Но на безрыбье и рак — рыба, все же мы кое-что знали, что творится у нас и за рубежом [Хургес 2012: 371].

2

Сентябрь 1939 г. был богат на события: вторжение германских войск в Польшу и в тот же день — принятие Закона о всеобщей воинской обязанности в СССР, вступление в войну западных демократий, поход Красной армии на Запад, чтобы «взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии» [Молотов 1939], разгром польского государства, договор с Германией «о дружбе и границе». Советские читатели газет и радиослушатели могли увидеть за скупыми строчками сообщений, как рушился в одночасье привычный межвоенный мир. У людей старшего поколения, помнивших начало предыдущей «Великой войны», вряд ли оставались иллюзии по поводу ближайшего будущего. Ответственный работник пермского обкома ВКП(б), будучи в изрядном подпитии, уже 2 сентября объяснял своим случайным попутчикам по пароходу:

> Хотя Германия и заключила мир с нами, но война на западе уже началась [Горитченко 1939: Л. 42].

Публика попроще запасалась сахаром, солью, спичками, мылом. Перед магазинами выстраивались длинные многочасовые очереди [Осокина 1995: 18]. Осведомители НКВД сообщали о высказываниях местных жителей:

> Скоро пойдем воевать, видишь, в магазинах-то ничего не стало, это ясно перед войной [Тильман 1939: Л. 387].

Органами НКВД фиксировались сомнения в правильности новой советской внешней политики:

---

граждан не подозревает, что в органах НКВД возрождены во всей своей гнусности следственные приемы презренной царской жандармской охранки». Погожев предостерегает Сталина: «Если Вы останетесь глухи к этим пока подспудным, но подлинным настроениям народа и со свойственной Вам решительностью и смелостью не прекратите этой губительной политики и не исправите ее ужасных последствий, то она скоро обратится против Вас, и тогда неисчислимые бедствия обрушатся на нашу Великую Родину» [Погожев 1938b: Л. 102–103].

> Да, Гитлер — не дурак, договор заключил с СССР, а сам занялся за Польшу, а когда подберет себе больше народу и ударит на СССР. Гитлер — очень хитрый политик, он сейчас использует дружественный договор, скупит у СССР все необходимые для Германии продукты, а мы здесь будем стоять в очередях и будем дожидать — не забросят ли что в магазин для питания. С Польшей операцию закончат, наверное, к 20 сентября, затем будут проводить операцию против Франции и Англии, а потом против СССР [Тильман, Гаврилов 1939: Л. 390–391].

Эшелоны с ранеными и обмороженными красноармейцами, прибывающие на станцию Пермь II во время короткой советско-финской войны, вызвали новую волну фобий, страхов и сомнений:

> В высшем командовании есть вредители. На финском фронте Красная армия терпит поражение, но истину от масс скрывают, так как люди экономически живут плохо [Обвинительное 1942: Л. 6об][7].

К зиме 1940 г. усилиями партийных пропагандистов сложился канон, которому полагалось следовать в официальных оценках новой советской внешней политики: СССР укрепляет границы, расширяет фронт социализма; Красная армия спасает миллионы братьев по классу (и по крови) от ужасов империалистической войны, развязанной правящими кругами Британии и Франции. В резолюции митинга, проведенного в Кизеловском горотделе НКВД по случаю заключения мира с Финляндией, читаем:

> Эти победы, одержанные над англо-французскими империалистами, воодушевляют нас еще более, еще лучше работать на своем участке работы [Резолюция 1940: Л. 28][8].

Суждения иного рода, по авторитетному мнению руководства НКВД, содержали состав преступления, предусмотренного ст. 58-10 УК РСФСР.

Так, высказывание юрисконсульта строительного треста № 12 из г. Березники Василия Циклинского: «…экономическое соглашение СССР и Германии — это способ для Германии “доить” СССР», наряду с эмоциональным рассказом товарищам по работе о том, что «на Финском фронте творится что-то ужасное, овраги завалены трупами красноармейцев, одних только танков потеряно 200 штук», стало основанием для возбуждения уголовного дела, а затем и судебного приговора сроком на 7 лет за антисоветскую агитацию (см. Постановление УНКВД по Молотовской области на арест В. В. Циклинского. 22 апреля 1940 г. г. Молотов [Лейбович 2004: 295]). Тех, кто высказывал надежду на возрождение польской государственности (например, Г. И. Скшипека, который говорил:

[7] Высказывание датируется январем 1940 г.

[8] Тремя неделями ранее те же сотрудники НКВД приветствовали победы советского оружия «в борьбе с японскими самураями, польскими панами и финскими белобандитами» [Приветственная 1940: 8].

«Франция и Англия все равно Германию разобьют, и наше Польское государство восстановится, и снова мы будем жить в Польше»), обвиняли в «антисоветской агитации пораженческого характера» (см. Постановление УНКВД по Молотовской области на арест Г. И. Скшипека 1 июля 1940 г. г. Молотов [Лейбович 2004: 298]). Но в целом к судьбе Польши советские граждане, если верить сводкам НКВД, отнеслись равнодушно. Пропагандистская кампания против «польских панов», длившаяся два десятилетия, принесла свои плоды, тем более что она опиралась на укорененное прежней властью недоверие к «заносчивой и мятежной шляхте»[9]. В годы Большого террора поляки были внесены в список «враждебных национальностей». Об этом не стеснялись говорить в больших собраниях ни официальные представители центральной власти, ср.:

> На днях секретарь ЦК ВКП(б) Андреев А.А., созвав директоров оборонных предприятий, на котором был и Денисов, Андреев потребовал по Краснокамскому р[айо]ну очиститься от поляков, литовцев, эстонцев на том основании, что они враги... [Пчела 1938: Л. 43] —

ни местные руководители. Например, начальник Кизеловского горотдела НКВД публично критиковал хозяйственные организации за то, что они «набирают рабочих из поляков и др[угого] к[онтр]р[еволюционного] элемента и завозят их в наш Кизеловский район, с которыми мы ведем борьбу, а они нам опять их засылают» [Протокол 1938: Л. 20].

Возможно, в таком отношении к Польше проявился и так называемый низовой макиавеллизм, по предположению Й. Феста свойственный массовой культуре XX в.: стремление хотя бы символически отождествить себя с грубой и победительной силой, чтобы не оказаться в числе слабых (поскольку слабых бьют), не помогать и не выказывать им сочувствия, а радоваться их унижениям [Fest 1986: 242]. Во всяком случае отношение к германскому Рейху было куда более положительным: его победами восхищались: «Отлично германские войска проводят операцию в Польше» [Тильман, Гаврилов 1939: 391][10].

Заключенные в тюрьмах тоже вели разговоры о международных событиях. Об их содержании можно узнать из так называемых меморандумов, составлявшихся оперативными работниками следственных изоляторов на основании донесений внутрикамерных агентов. Меморандумы использовались следователями как уличающий материал на допросах и при составлении обвинительного заключения. Иной раз их подшивали в дело, зачастую же, по всей вероятности, уничтожали по окончании следствия. Можно предположить, что меморандумы составляли по запросу следователя на упрямых

[9] Этническое самосознание великороссов в начале XX в. проявлялось главным образом «через оппозицию к нерусским народам» [Бранденбергер 2009: 25]. Поляки в негативной идентификации «чужих» играли первостепенную роль.

[10] В октябре 1941 г. секретарь Молотовского обкома ВКП(б) Н. И. Гусаров, по всей вероятности, имел основание сказать: «Некоторые считают, что у нас и так фашистов не любят. Это неверно» [Стенограмма 1941: 49].

арестантов, не желающих «разоружиться перед органами». Одним из таких подследственных был уже упомянутый ранее в связи с неоконченным письмом Сталину Поликарп Георгиевич Погожев[11], содержавшийся в 1939–1940 гг. в пермской следственной тюрьме. Он отличался независимым характером, отстаивал свои права в любой обстановке. Узнав, что после восстановления в ВКП(б) его не возвращают на прежний пост, а предлагают должность декана в Сталинградском пединституте, он написал заявление Сталину:

> Я все же счел своим партийным долгом обратить Ваше внимание на ошибку, допущенную в отношении меня отделом школ ЦК ВКП(б). ‹…› Посылка меня на работу с понижением в должности создает ложное впечатление, что, несмотря на полную реабилитацию, я все же несу наказание. Впечатление это усиливается еще тем обстоятельством, что никто из клеветников и перестраховщиков по моему делу никем до сих пор не привлечен к партийной ответственности. На основании всего этого я считаю, что ошибка отдела школ ЦК ВКП(б) в отношении меня должна быть по Вашему указанию исправлена [Погожев 1938a: Л. 60–61об].

Отправить письмо адресату П. Г. Погожев не успел. Сотрудники НКВД нашли письмо в его бумагах и приобщили к делу.

Признательные показания Погожев дал только после применения многодневного «конвейера» и побоев («в течение 65 часов простоял на ногах») и угрозы арестовать его жену [Протокол 1939b: 229–231]. Он тут же стал готовить новое письмо Сталину, которое снова изъяли при обыске. При первой возможности Погожев отказался от вынужденных признаний. Следователи были на него очень злы и никак не хотели соглашаться с представлением прокуратуры об отказе от обвинений по 58 статье и освобождением под подписку о невыезде. Тогда и был составлен следующий меморандум [Меморандум 1940: Л. 99–100]:

[11] П. Г. Погожев (1892–1941) — педагог, член РКП(б) с 1918 г., до этого социал-демократ — меньшевик. Выходец из крестьян, в 1909 г. «выдержал экзамен на звание учителя», а в следующем 1910 г. — на «звание домашнего учителя математики». После революции сначала находился на административной работе в системе образования, заведовал Астраханским ГУБОНО, затем был директором педагогических вузов. В автобиографии писал: «Ни в каких армиях не служил. Человек совершенно не военный. Кроме кратких эпизодических участий в ЧОН (части особого назначения — партийная милиция, использовавшаяся советской властью для борьбы с мятежами и бунтами. — *О. Л.*), с оружием в руках не выступал и даже владею винтовкой плохо» [Краткая 1927: Л. 5–5об.]. После двухгодичного обучения в Москве получил диплом о высшем образовании и в ноябре 1935 г. был командирован в Пермь на должность директора местного пединститута. В сентябре 1937 г. был исключен из партии «как враг народа» и снят с работы, каким-то чудом избежал ареста. Упорно добивался справедливости в высоких партийных учреждениях, в январе 1938 г. восстановлен в ВКП(б). Приехав в Пермь получить компенсацию за вынужденный прогул, был немедленно взят горотделом НКВД как участник «контрреволюционной организации правых, существовавшей в гор. Перми и в системе Наркомпроса. По заданию указанной организации создал контрреволюционную террористическую группу из студентов Пермского Пединститута, данная контрреволюционная террористическая организация готовила террористические акты над руководством ВКП(б) и членами Советского правительства» [Постановление 1938: Л. 3]. Расстрелян в январе 1941 г. по приговору Молотовского областного суда.

**Меморандум**
**секретных материалов на заключенного Погожева П. Г.**

По след. делу № 36394

| Дата и источник | Содержание материала |
|---|---|
| 23 апреля 1940 г. | Погожев П. Г., явившись из суда, где ему было объявлено, что его дело передается на доследование обратно в суд, в камере в присутствии заключенных Горячева и Николаева самыми похабными словами ругал органы НКВД и суд, заявляя: «Закона нет, а есть голый произвол НКВД». |
| 19 мая 1940 г. | При посещении тюрьмы нач[альником] УНКВД с Нач[альником] тюрьмы и О[пер]/уполномоченного после их ухода Погожев П. Г. в камере ругал матерщиной посетивших, говоря:<br>«Маленькая или большая свинья, это неважно, а самое главное — это свинья». |
| 25 июня 1940 г. | По поводу выпавших дождей, полезных для урожая хлеба и овощей, Погожев П. Г. в камере сокамерникам говорил:<br>«Будет хороший урожай, будет больше хлеба, значит, Советское правительство заведет больше пушек».<br>В разговоре о поражении Франции в войне с Германией и о том, что во всем мире имеются только две партии — партия коммунистическая и партия фашистов, Погожев, возмущаясь, заявил:<br>«Вот извольте видеть, как обманывается Советский народ ведь не больше года тому назад в советской печати кричали о том, что ничего не может быть более презренного и чуждого для трудящегося, чем фашизм, пролетариат ненавидит и т. д. и т. п. … (так в документе. — *О. Л.*). А теперь Советское правительство пошло на такой компромисс, что с Германией заключило договора и совместно с Гитлером делят захватываемые территории других государств.<br>Налицо неслыханный обман Советского народа своим же правительством». |
| 4 июля 1940 г. | В камере № 16 корп. 1. Погожев П. Г. среди сокамерников дискредитирует политику ВКП(б) и Советского правительства, говоря:<br>«Русский медведь лезет на свободный финский народ, что вот Советская Страна до чего дожила, ругая Гитлера, фашистов, а теперь идет рука об руку с фашистами и помогает им задушить свободный народ Франции и других стран, что в Советской стране происходит разгул одуревших палачей». |

Помимо этого, Погожев ведет подстрекательскую работу против администрации тюрьмы.

Нач. 2 отделения 2 отдела УГБ,
Мл. лейтенант ГБ Лысый
Ст. о/уполномоченный 2 отдела УГБ
УНКВД по Молотовской области Григорьев

Было бы опрометчиво считать эти записи аутентичными. Агенты могли что-то досочинить (на профессиональном жаргоне того времени такая процедура называлась «заострить материал»), а составители меморандума были вполне в состоянии «отредактировать» исходные данные в желаемом направлении. Так, словосочетание «русский медведь» в устах русского педагога звучит неправдоподобно. Но даже если мы имеем дело с фальсификацией, все равно следует признать, что оценки и суждения такого рода имели хождение в определенных социальных кругах, а возможно, и среди заключенных. Вряд ли эти критические высказывания в адрес советской внешней политики были полностью сочинены сотрудниками НКВД. Более правдоподобной кажется версия, что в меморандуме собраны и переработаны высказывания рассерженных людей, наблюдавших с горечью, разочарованием, личной обидой поворот советской внешней политики в 1939 г. Впрочем, совсем не исключено, что в нем содержатся и подлинные слова П. Г. Погожева, к тому времени разочаровавшегося не только в методах НКВД, но и в доброй воле Сталина.

Анализ этих маргинальных, на первый взгляд, источников демонстрирует, что Большой террор не смог уничтожить привычку советских граждан резонерствовать на политические темы: «пикейные жилеты» не изменяли своим традициям совместного осмысления действительности ни в тюрьме, ни в бараке. Перекличка между оценками событий 1939–1940 гг. в тюрьме и на воле свидетельствует о сходстве интерпретаций вследствие общей политической культуры, порожденной официальным большевистским дискурсом, однако не совпадающей с ним, благодаря сохранявшемуся несмотря ни на что критическому духу.

Рядом с размышляющими вслух интеллигентами мы слышим голоса людей из самых низов: разнорабочих, кухарок, домохозяек. Они, наученные годами выживания, безошибочно прочитывают в оптимистических заявлениях советских газет угрозу большой войны и голода, совершенно не скрывают своих опасений, более того, пытаются обзавестись необходимыми ресурсами, чтобы отвести от себя и своих близких беду. Здравый смысл одерживает верх над пропагандой.

## Архивные источники

Борисов 1955 — Борисов С. — В КПК при ЦК КПСС. г. Москва. 24 июня 1955 г. (ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 15214. Л. 183).

Горитченко 1939 — Горитченко И. С. — Гусарову Н. И. 4 сент. 1939 г. (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 5. Д. 95. Л. 41–42).

Гусаров 1938 — Гусаров — Маленкову. 16 ноя. 1938 г. (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 5. Д. 95. Л. 17).

Краткая 1927 — Краткая автобиография [П. Г. Погожева]. 28 окт. 1927 г. Новороссийск (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16858. Т. 2. Л. 5–5об.).

Кривой 1938 — Кривой — Алексееву. Докладная записка. [1938 г.] (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 5. Д. 95. Л. 1–9).

Меморандум 1940 — Меморандум секретных материалов на заключенного Погожева П. Г. 12 авг. 1940 г. (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16858. Т. 2. Л. 99–100).

Обвинительное 1942 — Обвинительное заключение по делу Сидоренко М. И. 6 янв. 1942 г. (ГАПК. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 713. Л. 6–6об.).

Погожев 1938a — Погожев — Сталину. Заявление. Апрель 1938 / Материал Погожева, изъятый при аресте (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16858. Т. 2. Л. 60–61об.).

Погожев 1938b — Погожев П. Г. — И. В. Сталину. 5 сент. 1938 г. (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16858. Т. 2. Л. 100–103).

Постановление 1938 — Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения [П. Г. Погожеву]. 13 апр. 1938 г. (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16858. Т. 1. Л. 3).

Приветственная 1940 — Приветственная телеграмма тов. Сталину, тов. Ворошилову. 23 февр. 1940 г. (ПермГАНИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 84. Л. 8).

Протокол 1938 — Протокол № 1 Общего закрытого партийного собрания членов и кандидатов ВКП(б) при Кизеловском Горотделе НКВД. 7–8 мая 1938 г. (ПермГАНИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 82. Л. 17–26).

Протокол 1939a — Протокол допроса обвиняемого Погожева П. Г. 26 янв. 1939 г. (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16858. Т. 1. Л. 117–117об.).

Протокол 1939b — Протокол допроса Погожева П. Г. Стенограмма. 11 ноя. 1939 г. (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16858. Т. 1. Л. 226–239).

Протокол 1955 — Протокол допроса свидетеля Траута Константина Ивановича. 21 июня 1955 г. (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12267. Л. 111–112).

Пчела 1938 — Пчела — Дмитриеву. 18 мая 1938 г. (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 5. Д. 98. Л. 41–47).

Резолюция 1940 — Резолюция ком-начальствующего и рядового состава Кизеловского ГО НКВД, собравшихся на митинг 14 марта 1940 г. по вопросу мирного договора между СССР и Финляндской республикой (ПермГАНИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 84. Л. 28).

Стенограмма 1941 — Стенограмма VII пленума Молотовского обкома ВКП(б). 20 окт. 1941 г. (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 10. 110 л.).

Тильман 1939 — Тильман — Попову. [Сентябрь 1939 г.] (ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 336. Л. 386–387).

Тильман, Гаврилов 1939 — Тильман, Гаврилов — Ворошиловский Горком ВКП(б). [Сентябрь 1939 г.] (ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 336. Л. 388–394).

## Сокращения

ГАПК — Государственный архив Пермского края.

ПермГАНИ — Пермский государственный архив новейшей истории.

## Литература

Бранденбергер 2009 — *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956) / Пер. с англ. Н. Алешиной и Л. Высоцкого. СПб.: Академический Проект; ДНК, 2009.

Ладыгина 2005 — *Ладыгина Л.* Казус инженера Далингера // Отечественные записки. 2005. № 2. Цит. по электрон. версии: http://www.strana-oz.ru/2005/2/kazus-inzhenera-dalingera.

Лейбович 2004 — Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980-е гг.: Сб. документов и материалов / Науч. рук. О. Л. Лейбович. Пермь: Пушка, 2004.

Молотов 1939 — Речь по радио председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова 17 сентября 1939 г. // Правда. 1939. 18 сентября.

Осокина 1995 — *Осокина Е. А.* Люди и власть в условиях кризиса снабжения // Отечественная история. 1995. № 3. С. 16–32.

Хургес Л. 2012 — Москва — Испания — Колыма. Из жизни радиста и зэка / Ред. А. Макаренко, Н. Поболь и др. М.: Время, 2012.

Fest 1986 — *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Herrschaft. München; Zürich: Piper Verlag, 1986.

# "The war in the West has already started…": Conversations in 1939 in barracks, prisons and queues

**Leibovich, Oleg L.**
*Doctor of History*
*Professor, Head of Department of Cultural Studies and Philosophy,*
*Perm State Institute of Culture*
*Russia, 614000, Perm, Gazety "Zvezda" str., 18*
*Tel.: +7 (342) 212-09-90*
*E-mail: oleg.leibov@gmail.com*

***Abstract***. The subject of the study is the reaction of the Soviet population to international events in the fall — winter of 1939–1940. On the basis of reports and memoranda of local departments of the NKVD in the Perm region the author undertakes an attempt to reconstruct the range of opinions about the radical turn of Soviet foreign policy: the "liberation march" to the West, the Soviet-Finnish War, cooperation with the German Reich, etc. The article also analyzes estimates and judgments about the beginning of the process which was easily recognized as a new great European war. Particular attention is paid to prison conversations about the war.

The blockade on information in Soviet prisons and jails was never complete. Prisoners awaiting sentence or under investigation were well aware of events in the outside world, discussed them with each other, expressed sharp criticism of the new direction of Soviet foreign policy. The content of prison debates about war was largely influenced by the atmosphere of uncertainty: a mixture of hope and despair, fatigue and frustration characteristic for people who had been held for more than a year in the investigative jails of the NKVD, who had suffered through the excruciating investigation, who had morally suffered, and who had gradually liberated themselves from the mental oppression of the "Stockholm Syndrome".

In the workers' milieu everybody was actively discussing the threat of a Soviet-German armed conflict. There were suggestions that after defeating Poland Hitler would attack the Soviet Union. NKVD informants reported expressions of doubt in the local queues regarding the correctness of the decisions taken by the top Soviet leadership and the ability of Soviet leaders to "fight" Hitler. People did not believe Molotov's reassuring statements about the abundance of food in the country, and started to stock sugar, salt, matches, and soap.

The author comes to the conclusion that the Great Terror turned out to be unable to destroy habitual disputes on political issues among Soviet citizens and did not change their traditions of co-interpreting reality both in prisons and barracks.

***Keywords***: the USSR, 1939, workers' milieu, prisons, WWII, popular response, rumors, estimates, predictions

## References

Brandenberger, D. L. (2009). *Natsional-bol'shevizm. Stalinskaia massovaia kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniia (1931–1956).* St. Petersburg: Akademicheskii Proekt; DNK. 415 p. (Transl. by N. Aleshina, L. Vysotskii from: Brandenberger, D. (2002). *National Bolshevism. Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931–1956.* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press). (In Russian).

Fest, J. (1986). *Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Herrschaft*. München; Zürich: Piper Verlag. (In German).

Ladygina, L. (2005). Kazus inzhenera Dalingera [The incident of engineer Dalinger]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]*, 2005*(2). Retrieved from http://www.strana-oz.ru/2005/2/kazus-inzhenera-dalingera. (In Russian).

Leibovich, O. L. (ed.) (2004). *Politicheskie repressii v Prikam'e. 1918–1980-e gg.: Sbornik dokumentov i materialov* [Political repressions in the Kama region. 1918–1980s. Collection of documents and materials]. Perm: Pushka. (In Russian).

Molotov, V. M. (1939, September 18) — Rech' po radio predsedatelia Soveta Narodnykh Komissarov SSSR V. M. Molotova 17 sentiabria 1939 g. [The speech on the radio of the Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR V. M. Molotov, September 17, 1939]. *Pravda* [Truth]. (In Russian).

Osokina, E. A. (1995). Liudi i vlast' v usloviiakh krizisa snabzheniia [People and power during a crisis situation in supply]. *Otechestvennaia istoriia* [History of Fatherland]*, 1995*(3), 16–32. (In Russian).

Khurges, L. (2012). *Moskva — Ispaniia — Kolyma. Iz zhizni radista i zeka* [Moscow — Spain — Kolyma. From the life of a radio operator and prisoner].A. Makarenko, N. Pobol' et al. (Eds.). Moscow: Vremia. (In Russian).

Leibovich, O. L. (2016). "The war in the West has already started…": Conversations in 1939 in barracks, prisons and queues. *Shagi / Steps, 2*(1), 14–27